

*Персонажи и события вымышленные.
Все совпадения с реальными фактами случайны.*

МЕСТЬ ПРИРОДЫ

День Лары неохотно тянулся к вечеру. В последние полгода больше всего усилий она тратила на борьбу с собственным раздражением. Она приходила в свой кабинет, чтобы делать любимую работу, но с самого утра ощущала только изнеможение, потерю всех идей, желаний и интересов. Как будто тянула за собой тяжелую телегу, доверху заваленную обидами, болью и алогичным чувством вины. Лара выпадала из бессонной ночи и впадала в заранее постылый, напрасный день, от которого не имело смысла ждать облегчения. А что делать с таким багажом заведующей отделом информации ежедневной газеты? Лара так любила своих сотрудников. У нее было особое отношение к тексту. Она читала репортаж и в самом слабом тексте сразу видела то, что при небольшом изменении,

другом освещении и акценте станет яркой сенсацией, журналистской удачей. Она умела это объяснить автору в нескольких фразах, и все привыкли к маленькому чуду, которое повторялось неизменно несколько раз в течение дня. А Лара с удовлетворением замечала, как робкий начинающий журналист постигает самый главный секрет профессии и уже без всяких подсказок находит и свой стиль, и эффектную подачу, и способность прийти к точному и лаконичному выводу. Ибо таков жанр репортажа. Это не усвоишь в теории. Это можно понять только с помощью нервных окончаний и толчка в крови, то есть услышав голос интуиции.

И вот теперь Лара сидит за своим компьютером. Читает тексты тех же людей. Они были ей так интересны — и люди, и события, о которых они пишут. Но сейчас она видит только тусклую банальность, глаз и нервы царапают косноязычие, невнятность мысли и позиции. И раздражение расплывается в крови, как ржавчина по светлomu металлу. Такое состояние — это профессиональная непригодность, с отчаянием понимает Лара. Надо или все бросать, или мчаться к врачу за рецептами от депрессии. А дальше что? Тупеть от лекарств? Проваливаться на ночь

в летаргию без тоски и страданий? Принимать равнодушно материал, в котором всего лишь нет грамматических ошибок, как, впрочем, и смысла?

После работы Лара поставила машину во дворе и зашла в магазин за какой-нибудь едой. Магазин был в нескольких метрах от подъезда. Возвращалась, думая лишь о неравной борьбе с вечером и кровопролитной битве с ночью.

— Лариса, — раздался рядом голос, который она не сразу вспомнила. — Здравствуй. Ты меня узнала? Мне мама сказала, что ты переехала. Ей твоя мама адрес дала. Вот я и решил зайти. Мимо проезжал.

Лара потрясенно смотрела на молодого мужчину, определить которого можно было только одним словом: совершенство. Да, конечно, она его узнала. Кто же забудет чудо-мальчика Стаса из их школы... Но они не встречались лет десять как минимум. Неужели жизнь бывает так благо-склонна к одному своему избраннику? Стас не просто не потускнел и не огрубел, не утратил сияния своей невероятной красоты. Он возмужал и стал победно, неотразимо привлекательным. Лара прикинула в уме возраст Стаса. Когда он пришел в первый класс, она была в седьмом. Значит, сейчас Станиславу тридцать.

— Кокетничаешь? — произнесла Лара вслух. — Как будто ты встречал людей, которые смогли тебя не узнать или забыть. Насколько мимо ты проезжал? Где твоя машина? Есть время зайти? Сразу скажу: у меня не убрано, из еды только то, что в этой сумке. Черный хлеб, помидоры, консервированная кукуруза и банка маринованных опят. Это салат, если ты не понял. Я сама его придумала.

Лара смотрела на серьезное, почти озабоченное лицо Стаса и очень надеялась, что он откажется. Она ему рада, она с удовольствием с ним посидит, поговорит о прошлом, о детстве. Но только не сегодня. На самом деле это проблема — невымытый пол, посуда с утра в раковине, и все уныло, безрадостно, и говорить ей совершенно не хочется в принципе. И на кого она сейчас похожа... Собственно, это уже проблема Стаса: рядом с ним все люди ни на что хорошее не похожи.

— Лара, а давай я действительно зайду, — сказал своим взрослым голосом выросший мальчик из детства. У него был мягкий, бархатный баритон с теплыми, почти родственными интонациями. — Я вижу, что ты устала и тебе не нужны внезапные гости. Но я на самом деле не мимо проезжал. Я тебя жду. Твоя мама сказала моей, что у тебя про-

блемы, ты не звонишь, не приезжаешь. Я даже спрашивать ни о чем не буду. Просто посижу полчаса. Если сразу надоем — уйду. Можно?

— Конечно.

К Ларе вернулось привычное раздражение. Эти мамы. Наверное, невозможно любить человека и беспокоиться о нем, не нарушая его личного пространства. Никогда не объяснишь, что человеку бывает необходимо побыть совсем одному. И вот Стаса выдернули, как безошибочное средство. Ему никто не откажет в беседе, его нельзя не пустить в дом. Они никогда не были особенно дружны, ничего общего. Просто мамы общались, а девочка и мальчик, разные по возрасту, испытывали друг к другу симпатию. Себя Лара очень хорошо понимала: Стас не просто обладал редкой внешностью, он всегда был очень вдумчивым и тонким человеком, даже в раннем детстве. Вот что он в ней видит интересного — понять труднее. Должно быть, у Стаса была детская потребность в старшей сестре, как у многих единственных детей... С ним можно чем-то и поделиться, но потом его будут пытаться: как она выглядела, что говорила, что на стол поставила. А он такой деликатный, что не сможет оставить мам вообще без информации, принесенной из разведки.

Они пришли в однокомнатную квартиру, которую она снимала после развода с мужем. Обитель ее тоски. Конура между стенами, в которых бьется большой комок ее поражений, потерь и неверия в то, что возможен просвет. Конечно, она здесь ничего не ремонтировала, ничего не покупала. Смысл тратить время и деньги?

— Ну... Ничего, — примирительно произнес Стас, осмотревшись. — Бывает лучше, но ты же временно тут живешь. Далекое, конечно, очень. От нашего двора я пилил часа два.

— В том и суть, — попыталась легко улыбнуться Лара. — Это же отлично — переехать в другую квартиру и оказаться на краю земли.

— Так ты это понимаешь? Тогда вообще все в порядке.

Стас вошел с ней в кухню, открыл свою небольшую кожаную сумку через плечо и поставил на стол бутылку хорошего шампанского, стеклянный бочонок с королевскими креветками в рассоле и пирожные со сливочным кремом и клубникой из кондитерской, которую Лара обожала. То есть мама снабдила гонца инструкцией по поводу того, перед чем Лара, на ее взгляд, не устоит.

— Здорово, — сказала Лара. — Раз пошла такая пьянка, я попробую приготовить что-то го-

рячее. Вдруг поняла: я не просто проголодалась, я как-то давно ничего человеческого не ела. Закрутилась, понимаешь. И немного пропала.

— Понимаю, — серьезно ответил Стас. — Я тоже рассчитывал на полный ужин. Мне помочь?

— Вот это ни в коем случае. Пошли в комнату, там есть один приличный предмет — большое кресло. И я включу тебе телевизор. Постарайся найти самую глупую фигню. Я приду — хоть посмеемся, как в школе.

— Курить можно?

— Да ради бога. Возьми это блюдо в качестве пепельницы.

Стас ушел, а Лара постояла в задумчивости. Он курит. Он выглядит как взрослый опытный мужчина. Возможно, женат. Как с такой красотой пролететь мимо всех охотниц. Это все меняет дело: мальчик из детства стал незнакомым человеком. Люди меняются до неузнаваемости со временем. Но почему-то она не чувствует ни неловкости, ни стесненности, да и ее неусыпное раздражение почему-то прошло. Это можно объяснить только одним: они по-прежнему на одной теплой волне.

Лара обнаружила в холодильнике четыре яйца, сыр и масло. В шкафчике была мука и все, что

нужно для оладий, — пика ее кулинарных возможностей. И она принялась готовить обильный, по ее представлениям, ужин, которым можно накормить и крупного мужчину в конце дня. Омлет, салат, горка оладий. Да еще креветки и пирожные... Есть шанс умереть счастливой смертью — от обжорства. Лара резала, мешала, жарила, пекла и рассматривала прошлое, которое вдруг явилось в ярких красках, в родных до боли в сердце запахах, в свежем ветре оттуда, куда не вернуться.

Стасик — сын врача-эндокринолога местной поликлиники Инны Сергеевны. Это высокая, некрасивая, сдержанная, молчаливая женщина, обладающая одним несомненным талантом: в нужный момент она умела оказать совершенно необходимую помощь. Иногда это был короткий совет вместо рецепта на слишком дорогое лекарство. Иногда телефон хорошего специалиста, который не откажет после ее рекомендации. Иногда Инна Сергеевна просто вовремя оказывалась рядом с людьми, которых сразило непоправимое горе. Так случилось, когда выяснилось, что непонятное заболевание бабушки Лары — все же онкология, во что никому так не хотелось верить. Тогда они и стали если не подругами, то очень

приятными друг другу людьми — врач Инна и художник–иллюстратор Даша, мать Лары.

Лара очень хорошо помнит себя лет с трех. Так что в шесть, когда тетя Инна вышла замуж за полноватого, добродушного и симпатичного мужчину–математика, она уже сознательно и с интересом наблюдала за происходящим в жизни близких ей взрослых людей. Тетя Инна была неформальной родственницей. Когда Ларе было семь, тетя Инна родила своего единственного ребенка. Ей было больше сорока лет.

Дальше Лару больше интересовало собственное взросление: школа, ровесники. Ничего интересного в пухлом младенце с огромными синими глазами в черных ресницах она не находила.

А в то первое сентября как будто молния осветила и выхватила из заполненного людьми школьного двора одну яркую картинку. Лара и сейчас видит это, как кадр незабытого фильма. От ворот к школе идут полный кареглазый мужчина и мальчик. Они ни на кого не смотрят, серьезно о чем–то беседуют, а все расступаются перед ними и не могут оторвать глаз от ребенка. Такие лица пишут великие мастера. Такую внешность придумывают авторы романтических любовных историй. Но встретить еще хоть раз

в жизни такое совершенство в банальной ситуации, среди обычных, нормальных, то есть ничем не выдающихся людей, — это невозможно, конечно. Лара никогда не видела никого, кто хоть отдаленно напоминал бы Стаса. Не отдельными чертами, а такой победной гармонией, которая поражает до состояния стресса.

Видимо, многие тогда этот стресс и испытали. Лара обостренным слухом ловила разговоры чужих мам. И прекрасно понимала, что это зависть.

— Ненормально красивый ребенок, — говорила одна. — Тут что-то не так.

— Точно не так, — авторитетно заявляла другая. — Я читала целую статью о том, что слишком правильная, красивая до нереальности внешность скрывает дефект мозга. Непоправимый, к сожалению.

— Да, — скорбно подтвердила третья. — Так выглядит жестокая месть природы. Закон компенсации. Мне их всех очень жаль. Вот и результат поздних родов.

Папа простился с сыном и ушел. А Стас впервые посмотрел вокруг себя, и в его глазах Лара уловила даже не растерянность, а недоумение. Он, видимо, ощутил холодок недоброжелательности. Другие дети его совсем не знали. Соб-

ственные родители его так оберегали, что он общался только с ними. Любой, наверное, побожился бы выпустать из виду такого ребенка. Лара бросила своих подруг и подбежала к нему.

— Привет! Тебе, конечно, тут не нравится, но, знаешь, ничего страшного и плохого. Пошли, я тебе все покажу. И где мой класс, чтобы ты мог прийти, когда нужно. Обедать будем вместе, пусть твоя мама договорится.

Лара поставила на большой поднос свои кулинарные художества, сама с удовольствием полюбовалась натюрмортом, понюхала и понесла поднос в комнату.

— Помогай мне, Стасик. А ты помнишь свой первый день в школе? Я отлично помню. Ты такой отстраненный, даже немножко отверженный, как принц крови в изгнании, а все вокруг тебя обсуждают. Ты-то сам понял тогда, что о тебе говорили?

— Что? — с интересом спросил Стас. — Нет, я не знаю.

— Чужие мамы говорили, что ты слишком красивый для нормального человека. И сошлись в диагнозе — точно дефективный олигофрен. Такая месть природы.